

Услышав это, Юань Шан оцепенел на несколько секунд.

Хотя он и провел в шоу-бизнесе добрую половину прошлой жизни — от дебюта до самой смерти, — с кинематографом ему сталкиваться не приходилось. В годы его молодости отечественная киноиндустрия переживала смутные времена. Доходы рынка оставались скудными, а ключевые ресурсы прибрали к рукам криминальные структуры «серой зоны». Если не считать горстки уже прославившихся суперзвезд, остальным киноделам приходилось терпеть бесконечные унижения и лишения. На их фоне музыкальная сцена казалась куда более простой и чистой. Те, у кого была хоть какая-то возможность, из кожи вон лезли, лишь бы пробиться на экраны. Но Юань Шан родился в семье потомственных музыкантов; с малых лет он блистал талантом, а родители заранее подготовили для него надежный плацдарм в индустрии. Зачем ему было добровольно лезть в это пекло?

Позже, когда произошел тот роковой несчастный случай, он и вовсе лишился возможности выступать перед публикой. Он превратился в безвестного труженика закулисья, а сияние софитов и блеск сцены остались в недостижимом прошлом. За последующие полтора десятка лет Юань Шан воочию наблюдал, как угасает родная эстрада, в то время как кинематограф, подхваченный духом времени, стремительно шел на подъем. Кино превратилось в сверхприбыльный бизнес с колоссальными финансовыми потоками, далеко превзошедшими золотой век былой музыкальной индустрии. Неудивительно, что перед этим соблазном не устоял даже такой признанный король сцены, как Жэнь Пиншэн. Перспективы здесь открывались поистине головокружительные.

Юй Шуимяо отвел Юань Шана в сторону и вполголоса произнес:

— Гуан-эр, я не пытаюсь тебя переубедить. Знаю, что ты живешь музыкой и хочешь заниматься только ей. Но каково сейчас положение на нашей эстраде... Ты и сам прекрасно понимаешь. Пробиться наверх, рассчитывая исключительно на песни, в наши дни чертовски трудно.

Юань Шан понимал это лучше кого бы то ни было. К тому же он умел трезво оценивать обстоятельства. Шанс, который Юй Шуимяо предлагал ему по дружбе, для большинства людей в шоу-бизнесе был пределом мечтаний. Юань Шан отнюдь не был лишен амбиций — так с какой стати ему отказываться?

Стоило ему кивнуть, как костюмеры тут же бросились подбирать наряд, а Ли Жуйлинь мигом связался со сценаристами, чтобы те доставили шестую редакцию рукописи. Из нее спешно извлекли сцены с участием главы культа Гунсуня и передали Юань Шану. На самом деле Фильм «Цзянху» задумывался как масштабное полотно с обилием действующих лиц — одних только именных персонажей там насчитывалось несколько десятков. Сколько экранного времени в полуторачасовом фильме могло достаться герою шестого плана? Да и в первоисточнике главе культа Гунсуню уделялось совсем немного места. И все же некоторым персонажам суждено врезаться в память читателя вопреки лаконичности авторского слога.

В романе глава культа Гунсунь впервые появляется, когда главный герой получает приказ очистить поднебесную от скверны и лишить злодея жизни. Сюжет вел читателя через перипетии лазутчика: пробравшись в самое логово врага, герой случайно выдает себя и, спасаясь от погони, вваливается в первые попавшиеся покои. В самый критический момент тональность повествования резко менялась — беглец внезапно наткнулся на главу культа Гунсуня в разгар нанесения татуировки. Едва не погибнув от его меча, герой спасался лишь благодаря невероятному стечению обстоятельств. Демонический, завораживающе-порочный образ главы культа Гунсуня выглядел поистине уникально на фоне традиционных романов уся, а сама сцена в оригинале была описана с особым чувственным колоритом: зыбкий полумрак, мерцание свечей, капли крови на обнаженной коже... Утверждалось даже, будто главный герой на миг «за мороженом оцепенел». Неудивительно, что читательские круги тут же окрестили персонажа неофициальным титулом главного красавца книги. Когда же по сюжету глава культа Гунсунь погибал, их скорби и возмущению просто не было предела.

Воплотить подобного героя на экране — задача крайне неблагодарная. С одной стороны, играть тут особо нечего: персонажу не требуется тонкий психологический рисунок. С другой — публика предъявляла завышенные требования к внешности актера. Малейший промах — и книжные фанаты безжалостно смешали бы исполнителя с грязью. Маститые звезды с весомым именем в индустрии не желали рисковать репутацией ради мимолетного cameo, а среди новичков не находилось ни одного, кто сочетал бы выдающуюся внешность с актерским дарованием.

Юй Шуимяо часто размышлял над этой странной закономерностью, которую никак не мог постичь. Рождение хороших актеров в шоу-бизнесе напоминало сбор урожая: то случались годы изобилия, когда таланты шли один за другим, то наступала тотальная засуха, когда выбирать было совершенно не из кого. Настоящая чертовщина.

Для промо-съемок, разумеется, выбрали ту самую сцену, что сильнее всего врезалась в память читателей. Юань Шана отвели в примерную, где костюмеры и визажисты сразу же принялись стаскивать с него одежду.

Хотя Юань Шан только что изучил сценарий и морально подготовился к процессу, он все равно чувствовал себя неловко. Заметив его смущение, Юй Шуимяо с мрачным видом выставил из комнаты всех посторонних, с хлопком бросил на стол эскиз татуировки и зыркнул на гримеров, которые тихонько посмеивались, глядя на покрасневшие кончики ушей юноши.

— Живее поворачивайтесь! — прикрикнул режиссер. — Сколько еще вся съемочная группа должна вас ждать?!

Гримеры явно побаивались режиссера — после его окрика они мгновенно притихли и споро принялись за работу. Юй Шуимяо повернулся к Юань Шану и беззлобно проворчал:

— И ты хорош! Кожа да кости. Тебя что, голодом морили?

Юань Шан небрежно махнул рукой:

— Иди лучше в павильон, проследи за подготовкой. И не ворчи под ухом.

Взглянув на его острые, лишенные рельефа плечи, Юй Шуимяо сокрушенно вздохнул и поспешил удалиться. Юань Шан прекрасно понимал, о чем тот думает. В последнее время он усердно нажимал на домашнюю еду, так что его тело уже успело принять более-менее приличный вид. В первые дни после пробуждения он напоминал ходячий скелет: ребра выпирали наружу, а позвоночник бугрился каждым суставом. Сейчас он все еще оставался худым, но эта худощавость обрела изящные, эстетичные очертания. Во всяком случае, гримеров его телосложение ничуть не испугало. Нанося грим, девушки даже завистливо поинтересовались:

— Как тебе удастся оставаться таким стройным? Поделись секретом!

Юань Шан мягко улыбнулся:

— Да у меня просто конституция такая, повезло с генетикой. А вы сами-то — тонкие, как тростинки. Зачем вам вообще диеты?

Искусство очаровывать людей у него было в крови — кажется, он с самого детства прокачал навык общения до максимума. Сколько он себя помнил, ему всегда без труда удавалось завоевать симпатию окружающих. В индустрии развлечений умение ладить со всеми жизненно важно: никогда не угадаешь, не решит ли какой-нибудь тихий, неприметный сотрудник слить прессе грязные слухи о тебе. Не говоря уже о гримерах, осветителях и операторах — людях, от чьей работы напрямую зависит, предстанешь ли ты в объективе писанным красавцем или невзрачным замухрышкой.

Стоило Юй Шуимяо вернуться на съемочную площадку, как он мгновенно превратился в грозного, изрыгающего проклятия демона. Его появление подстегнуло съемочную группу, заставив всех работать вдвое быстрее. Исполнитель главной роли Хэ Вэй спешно закончил сцену и, избавляясь от бутафорских доспехов, со смешком подошел к режиссеру:

— Слушай, режиссер Юй, поговаривают, ты сегодня привел с собой какого-то нереального красавчика?

Хэ Вэй по праву считался одним из самых авторитетных отечественных актеров. Он успешно поддерживал образ зрелого, брутального мужчины, пользовался бешеной популярностью и успел собрать внушительную коллекцию наград. Поскольку они с Юй Шуимяо пересекались на съемках уже не в первый раз, отношения между ними были дружескими. Обычно режиссер не прочь был перекинуться с ним парочкой двусмысленных шуток, но сегодня речь зашла о человеке, чье имя он не позволил бы трепать попусту.

Сменив тон на серьезный, Юй Шуимяо отчеканил:

— Это мой младший брат. Близкий родственник.

Проходившая мимо исполнительница главной женской роли Го Мяочунь, затягивая на ходу пояс, услышала последние слова и тут же вмешалась в разговор:

— О, так это ваш брат? Я тоже краем уха слышала, что к нам прислали какого-то невероятного красавца. Девчонки из гримерной твердят, будто он хорош собой до безумия!

На лице Го Мяочунь сияла восторженная и бесконечно искренняя улыбка — разумеется, разыгранная лишь ради того, чтобы польстить режиссеру. В глубине души она относилась к этим слухам весьма скептически. Будучи признанной дивой экрана, чей статус позволял свысока взирать на смазливых дебютанток, она за долгие годы работы навидалась всевозможных красавцев. Но лишь единицы из них действительно обладали магнетизмом, способным зацепить по-настоящему. Мелкий персонал на съемочной площадке вечно преувеличивал: стоит им увидеть кого-то с фарфоровой кожей и тонкими чертами лица, как они тут же принимаются вопить о неземной красоте. Наверняка и в этот раз история раздута на пустом месте.

Внешность юноши интересовала Го Мяочунь во вторую очередь — гораздо любопытнее было отношение к нему самого Юй Шуимяо. Она прекрасно знала крутой нрав режиссера и его бескомпромиссную требовательность к работе. Среди всех отечественных мэтров съемочная площадка Юй Шуимяо и еще пары почтенных мастеров считалась образцовой: пролезть к ним в картину по блату или через постель было практически невозможно. И надо же — непреклонный режиссер впервые привел кого-то «с улицы»!

Это означало лишь одно: таинственный новичок занимал в жизни Юй Шуимяо исключительное место.

Фотограф тем временем заканчивал работу с предыдущей сценой. Один из ассистентов подбежал к Юй Шуимяо и что-то быстро зашептал ему на ухо. Режиссер мгновенно выпрямился и устремил взгляд на вход в павильон. В ту же секунду до слуха Го Мяочунь донесся отчетливый гул взволнованных голосов снаружи.

Сгорая от любопытства, она обернулась. В павильон хлынула толпа. Целая свита гримеров и стилистов с кистями и лаками в руках плотным кольцом окружала идущего в центре юношу, буквально заглядывая ему в рот. Даже сама Го Мяочунь, будучи капризной примой, никогда не устаивалась столь благоговейной заботы. Но стоило ей разглядеть виновника суматохи, как сердце ее испуганно екнуло и бешено заколотилось в груди.

Юань Шан вышел вперед, слегка смущенно поправляя длинные накладные волосы. Тонкая силиконовая накладная неприятно стягивала лоб, а шелковистые пряди щекотали кожу, заставляя его ежиться. Костюмеры выбрали для него весьма экстравагантный наряд. Сшитое из дорогой ткани одеяние сидело безупречно, однако фасон оставлял практически обнаженными и грудь, и спину. Все это великолепие удерживалось лишь широким поясом на талии, а полы длинного подола при каждом шаге широко распахивались, беззастенчиво

открывая ноги. Юань Шан чувствовал себя крайне неловко.

Хуже всего было то, что толпа вокруг не сводила с него жадных глаз: кто-то пытался сделать снимок на телефон, кто-то просто заворуженно вздыхал. Каким бы прирожденным соблазнителем ни был Юань Шан, он привык выступать на сцене в строгих костюмах и уж точно не собирался устраивать стриптиз перед посторонними.

Все его робкие жалобы костюмеры благополучно пропустили мимо ушей. Понимая, что его актерский авторитет пока равен нулю, Юань Шан с надеждой посмотрел на старого друга, ожидая поддержки. Он подошел ближе и выразительно подмигнул Юй Шуимяо:

— Ну и как тебе это искусство? Не слишком ли вызывающе выглядит?

Визажисты потрудились на славу. Резко очерченные, взлетающие к вискам брови и подведенные темными стрелками уголки глаз идеально воссоздавали демонический образ главы культа Гунсуня. Разрез глаз Юань Шана сам по себе обладал удивительной пластикой, а умелая рука мастера заставила их заиграть совершенно фантастическими красками. Юй Шуимяо взглянул на своего подопечного — тот озорно косился на него, и в глубине этих подкрашенных глаз плескалось такое лукавое, колдовское очарование, что в нем не осталось и следа от прежнего, хорошо знакомого режиссеру сурового упряма.

Смутившись, Юй Шуимяо кашлянул и отвел глаза в сторону:

— Кхм... Нормально. Выглядишь вполне достойно. Давай, иди на площадку и делай все, что скажет фотограф.

Фотограф к тому времени уже вышел из ступора. Его глаза горели лихорадочным профессиональным азартом. Под этим плотоядным взглядом Юань Шан со вздохом покорности двинулся к центру декораций и опустился на подготовленный помост.

Стоило ему сесть, как шелковые полы разошлись, обнажая стройные, безупречно прямые бледные ноги. Го Мяочунь заворуженно следила за каждым его движением. Вот юноша взял в руки тяжелый бутафорский меч. Фотограф скомандовал ему опуститься на колени спиной к объективу, припустить ткань халата пониже и обернуться через плечо.

Широкая полоса светлой кожи обнажилась почти до поясицы. На его спине не было рельефных мышц, но эта хрупкая, изящная худоба приковывала взгляд своей утонченной грацией. От лопаток и до самого пояса на бледном теле распластался оскаленный лик свирепого синего демона, искусно испачканный бутафорской кровью. Контраст между изящным силуэтом спины и грозным, сочащимся багрянцем рисунком выглядел невероятно порочно и чувственно. Фотограф окончательно вошел во вкус и, не переставая щелкать затвором, возбужденно выкрикивал:

— Отлично! А теперь взгляд! Сделай его острее, опаснее! Посмотри на меня как на добычу!

Юань Шан замер в ярком конусе студийного света. Сперва его движения казались слегка скованными, но в какой-то неуловимый миг внутри него будто щелкнул невидимый тумблер. Он внезапно прочувствовал суть своего персонажа. Медленно подняв клинок на уровень глаз, он резко развернулся. Его тело изогнулось, натянувшись изящной, полной скрытой угрозы тетивой, а взгляд — холодный, пронзительный и острый как сталь — вонзился прямо в объектив камеры.

— Да! Вот оно! — выдохнул фотограф, и частый стрекот затвора слился в непрерывную дробь.

Встретившись с этим взглядом, Го Мяочунь почувствовала, как по спине пробежали мурашки, а дыхание перехватило. Она поспешно опустила голову и коснулась ладонями лица, пытаясь скрыть смущение, и с изумлением обнаружила, что ее щеки и уши пылают густым, горячим румянцем.

<http://bllate.org/book/20476/2131242>